

УДК 111

DOI: 10.34670/AR.2026.91.11.002

Онтологические начала социального: к критике концепта «смерти социального» Жана Бодрийера

Краснов Антон Сергеевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

Волчкова Ольга Олеговна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры общей философии,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 35;
e-mail: olovolchkova@kpfu.ru

Аннотация

Цель исследования заключается в критическом осмыслении концепта «смерти социального» Ж. Бодрийера. В статье рассматривается онтологический статус социального и анализируются ключевые методологические основания теории Бодрийера. Показано, что его тезис строится на ряде ошибок подмена сущности социального его отчуждёнными формами репрезентации; абсолютизация момента отрицания; редукция социальной тотальности к симулякрам при игнорировании её материального бытия. Научная новизна исследования состоит в том, что, опираясь на онтологическую традицию классической философии, социальное определяется как субстанциальная основа человеческого «бытия-вместе», а кризисные феномены, акцентируемые Бодрийером (гиперреальность, «молчаливое большинство»), интерпретируются не как смерть, а как трансформация социального, открывающая новые имплицитные формы его организации. Результатом исследования становится вывод о том, что теория Бодрийера, при всей её яркой риторике, носит консервативный характер: мистифицируя отношения господства, она приводит к интеллектуальной капитуляции перед глобальной симуляцией. Подлинная же критическая теория должна выявлять и эксплицировать новые формы бытия социального.

Для цитирования в научных исследованиях

Краснов А.С., Волчкова О.О. Онтологические начала социального: к критике концепта «смерти социального» Жана Бодрийера // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2026.91.11.002

Ключевые слова

Социальное, симулякры, симуляция, гиперреальность, «смерть социального», массы, негативность.

Введение

Метафора смерти явилась главным инструментом постмодернистской философии для описания радикальных изменений второй половины XX века: смерть субъекта, смерть автора, смерть истории, смерть социального [Амирханов, 2020]. Завершающим аккордом этого ряда стало высказывание Ж. Бодрийяра о «смерти социального», которое приобрело канонический статус благодаря риторической яркости и опоре на анализ потребительских практик и масс-медиа. Однако подобная формулировка ставит фундаментальный онтологический вопрос: что есть социальное и каким образом оно способно «умереть»? В то время как критика идей Бодрийяра в основном велась в русле социологии и культурологии, онтологические основания его концепции оставались в тени, что делает данное исследование актуальным.

Исследование опирается на онтологическую традицию классической философии, прежде всего на диалектическое наследие Г. В. Ф. Гегеля, а также на критику постмодернистской мысли. В качестве контекста учитывается концептуальное наследие Ж. Бодрийяра, которое рассматривается не с позиций морали или политики, но в его внутренней логике и категориальной структуре. Методологически исследование строится по принципу диалектического восхождения от абстрактного к конкретному. Такой подход позволяет сначала выделить сущностное содержание категории «социальное», а затем проследить её деформацию в концепции Бодрийяра и показать возможность её реконструкции в новых формах социальной тотальности.

Основная часть

Прежде чем *нечто* умрёт – оно должно *быть*. Отсюда возникает первый вопрос: какова онтология социального? Что оно представляет собой в самом абстрактном определении? Опыт концептуализации классического корпуса философского наследия от Аристотеля до Г.Ф.В. Гегеля и К. Маркса отвечает на этот вопрос: социальное – это форма «бытия-вместе» и способ существования и раскрытия родовой сущности человека. Социальное не есть некая «внешняя» граница, оно не есть гипер-надстройка над индивидуальным бытием, но есть имманентное условие возможности такого бытия. Субъективность человека конституируется и выражается через intersubjective связи-отношения, призму восприятия и признания Другого, а также через труд, традицию, язык, которые являются первичными и наиболее значимыми социальными актами. Справедливо замечание Гегеля: «Самосознание есть в себе и для себя потому и благодаря тому, что оно есть в себе и для себя для некоторого другого [самосознания], т.е. оно есть только как нечто признанное» [Гегель, 2000, 97]. На этом фундаментальном уровне признания, как истока всякой субъективности, социальное не является опциональным феноменом, оно является онтологической необходимостью, обладающей признаками субстанции, в которой существуют отдельные акциденции – индивиды. Понимание человека Аристотелем как ζῷον πολιτικόν – сущности политической – общающейся во благо, есть признание его общественным элементом [Аристотель, 1983, 37]. Социальное, в учении Стагирита, также является субстанциальной основой, как пространство реализации человеческой потенции. Гегель развивает учение Аристотеля, но в более системном аспекте: Идея, отчуждаясь воплощается в формах объективного духа (право, мораль, нравственность), и раскрывается как семья, гражданское общество и государство. Для Гегеля государство –

«действительность нравственной идеи» [Гегель, 1990, 279] – высшее воплощение духа, а социальное – пространство бытия свободы и её опредмечивания в устойчивых институциональных всеобщих формах. Отсюда – социальное – необходимое опосредование между абстрактной волей и всеобщим разумом.

Для Ж. Бодрийяра социальное не обладает субстанциальностью, а является простым историческим конструктом, имеющим конкретные хронологические рамки своего возникновения – эпоха модерна как реализация проекта просвещения, который, согласно логике французского теоретика, полностью исчерпывает самое себя в конце XX столетия [Саврей, 2023]. Сам анализ социального в том виде, в котором нам оставил его Ж. Бодрийяр не является анализом в строгом смысле этого слова, он в большей степени может быть определён как единолично написанный некролог. Из этой предзаданной для него цели – написать некролог социального, рождается парадокс: объявление смерти любого феномена всегда требует наличия четкой дефиниции, но Ж. Бодрийяр сознательно избегает чётких и ёмких определений, оперируя понятием социального, как интуитивно ясным, но в действительности предельно сложным и неопределённым концептом. Согласно контексту мысли Ж. Бодрийяра, социальное – это пространство производства «реального», предельная сфера бытия рационального, горизонт учёта, репрезентации и насильственной интеграции индивида в тоталитарные структуры. Для Ж. Бодрийяра генезис социального достаточно лаконичен и прост: социальное родилось не из рынка, а из его уничтожения, из контроля над рынком, из ограничения обмена, «Логика обмена ценностями [échange de valeur] теперь не действует» [Бодрийяр, 2000, 77]. Это пространство, в логике Ж. Бодрийяра, где есть лишь одно требование, которое заключается в «производстве социального» [Бодрийяр, 2000, 33], сопряжённое с перманентной драматизацией и насильственно имплицуемым статусом единственной реальности. Финалом картины, которую разворачивает Ж. Бодрийяр, становится тезис «смерти социального», который напрямую формулируется в работе «В тени молчаливого большинства, или смерть социального». Социальный теоретик утверждает, что социальное было элиминировано своей собственной гиперпродукцией: массы как объект социального, согласно Ж. Бодрийяру, ответили на тотальный призыв продуцирования стратегией молчания, повлекшей поглощение, нейтрализацию и конец. Массы больше не могут производить смысл, лишь поглощают его в мёртвой тишине, отдавая в ответ самой системе симулякр мнения, запроса и социальности. Ж. Бодрийяр рассуждает о массах именно в этом аспекте: «Массы ... функционируют скорее как гигантская чёрная дыра, безжалостно отклоняющая, изгибающая и искривляющая все потоки энергии и световые излучения» [Бодрийяр, 2000, 14]. Социальное обмирщается, лишаясь своей референции – класса, народа, нации, экзальтируясь до уровня чистого симулякра, вне пространства, у него остаётся лишь собственный код: «реальность — не просто то, что можно воспроизвести, а то, что всегда уже воспроизведено. Гиперреальность» [Бодрийяр, 2000, 151]. Заметим, что здесь Ж. Бодрийяр осуществляет свой главный онтологический подлог – он отождествляет социальное с его репрезентацией, дискурсом и симуляцией, как с формами, которые появились в эпоху модерна. Он онтологизирует исторически изменяющиеся формы отчуждения социального, такие как бюрократия, общественное мнение, социальную статистику, медиадискурс, и подменяет ими саму сущность социального. Следовательно, когда формы пребывают в состоянии кризиса, обусловленного великим множеством причин, Ж. Бодрийяр делает поистине грандиозный и достойный внимания вывод об элиминации самой субстанции. Возможно, что вся гениальность концепции французского мыслителя лишь в том, что никто не замечал классической логической подмены понятий: симулякры есть суть

социального, но, поскольку суть их симулятивна, громко заявить, что она умерла. Но если что-то действительно и умерло, то крайне определённая, поверхностная часть.

Здесь будет наиболее релевантным обратиться к теоретико-методологическому наследию гегелевской философии, для того чтобы наиболее корректно показать суть критики концептуального пространства Ж. Бодрийяра и наглядно показать, какие именно ошибки он совершил. Гегель говорит о тотальном различии видимости (*Schein*) и действительности (*Wirklichkeit*). Видимость есть необходимая форма, в которой является сущность, но её невозможно абсолютизировать, наделить самостоятельным бытием, оторванным от сущности. Действительность есть единство сущности и феномена, перманентного и имманентного, которое имеет свою видимость не в чём-то другом, «а в самом себе» [Гегель, 1970, 405]. И Ж. Бодрийяр совершает абсолютно «школярскую» ошибку, увлекаясь описанием гиперреальности, он подменяет видимость – симулятивные и отчуждённые формы репрезентации социального за действительность, но обнаружив, что сама видимость пуста и не отсылает ни к какой онтологической глубине, он говорит нам, что никакой глубины нет. Но «исчезновение» старой видимости, как учит Гегель, не является концом и смертью, напротив оно есть начало движения к иной, более адекватной форме действительности, «которое помимо того не имеет никаких других определений» [Гегель, 1970, 180]. Видимость есть момент самой действительности, но её самообнаружение может оказаться ложным. И в эту ловушку попал Бодрийяр, он скован манающей иллюзией гротескного распада старой видимости и абсолютизировал этот момент, ошибочно объявив его «финалом» истории социального. Его концепция «сети социального» есть гимн победы и торжества видимости, которая, оторвалась от своей сущности и объявляет себя новой и единственной гиперреальностью. Но это – видимость, или желание видимости, возведённое в абсолют. Иными словами – ничто. Ирония состоит в том, что Бодрийяр становится последним актором и актёром на сцене общества спектакля, которое он будто разоблачает, поскольку принимает декорации, украшающие сцену за единственный онтологически режим.

Великое преимущество диалектики относительно оптики катастрофы Ж. Бодрийяра в том, что она позволяет увидеть в уничтожении рождение иной формы бытия. Отрицание, как момент диалектического становления, не финал развития [Гаспарян, 2020], поскольку сам рождает своё собственное отрицание. Для Ж. Бодрийяра существует только одно отрицание, как единственный зафиксированный момент – отрицание традиционных форм рациональности социального (политические партии, профсоюзы, дискурсивные практики и идеологии), который он абсолютизирует, экзальтируя его в статус конца и смерти. Симулякры, «молчаливое большинство» и гиперреальность – это не «смерть социального» в диалектической матрице Гегеля, а отчуждённая форма, лежащая в основе новой видимости, в которой социальное продолжает своё бытие. Да, можно согласиться с Ж. Бодрийяром в той части, где он справедливо замечает, что эта форма противоречива, больна и неадекватна. Но она не есть онтологическая пустота, это суть специфическая негативная онтология отчуждения. Массы не производят смысл – один из главных тезисов французского теоретика. Но поглощение смыслов в тишине – новый имманентный способ коммуницирования, негативный «язык отказа» от насильственно навязываемого «кода». Это не феномен «отсутствия социального», а присутствие в иной – негативной форме, выражающей протест против тотальной симуляции. Это полностью совпадает с очень важным замечанием Б. Спинозы: «*determinatio est negatio*» [Спиноза, 1957, 568]. Тень молчаливого большинства – масс – это не онтологическая пустота, а негативное самоопределение как отрицание навязываемого тоталитарными институтами дискурса.

Блестящий диагноз Ж. Бодрийяра касается рефлексии поверхности феномена социального, оказывается не релевантен в отношении онтологических имманентных структур социального. Ж. Бодрийяр совершенно прав в том, что традиционное для эпохи модерна производство смыслов элиминировано в XX веке, но совершает ошибку, делая вывод об абсолютном отсутствии всякого смысла; он верно видит кризис репрезентации, но заключает, что ничто невозможно репрезентовать. Онтология Ж. Бодрийяра оказывается предельно плоской, лишённой объёма. В его логике огонь, поглотивший карту, означает исчезновение территории, которая была обозначена на карте, и Ж. Бодрийяр помпезно заявляет, что территории, как объективной реальности, никогда не существовало. Это проявление идеализма самого примитивного толка, где элиминация умозрительных концептов, образующих матрицу абстрактного представления о реальности, принимается как элиминация самой реальности. Гегель предупреждал: «Истинное мышление ... есть мышление о необходимом, поэтому оно должно руководствоваться диалектическим пониманием противоречия» [Гегель, 1970, 32]. Для Ж. Бодрийяра существует лишь одна сторона противоположности – смерть, конец, симуляция, но для него абсолютно исчезают из поля зрения субстанция, созидание, жизнь.

Познающий субъект только тогда достигает всей полноты знания, когда постигает объект как единство многообразия его форм и определений. Так завершается восхождение от абстрактного к конкретному. Конкретное не есть нечто изначальное, чувственно данное, но есть результат синтеза в пространстве мысли [Маркс, 1968]. Конкретное социального – не симулякры СМИ, не молчание масс, не поглощение смысла. Это – предельная тотальность бытия человека-в-мире, включающая в себя материальное и духовное производство, отношения власти и подчинения, политическую и идеологическую борьбу, практики повседневности людей, формирование сообществ в цифровом пространстве и т.д. Для Ж. Бодрийяра существенно важна лишь тотальная редукция тотальности социального: всё богатство обмирщается, в пользу медиапрезентации и потребления знаков. Он сознательно не включает экономические, властные, материальные первоосновы общественного организма, заменяя их общим модусом репрезентации в отдельном модусе. В мире, о котором говорит Ж. Бодрийяр, никто не работает в сфере материального производства, не занимается фундаментальными и прикладными научными исследованиями, не платит налоги государству. Есть только «массы», бесконечно и пассивно поглощающие «симулякры». Для социального теоретика это поразительная недалёковидность: Ж. Бодрийяр онтологизирует самый внешний слой бытия социального – сферы потребления и знаков и артикулирует его как абсолютную полноту реальности социального. Любой, поверхностно знакомый с азбукой диалектического и исторического материализма, может отметить, что французский теоретик подменяет надстройку базисом. Сама критическая теория Ж. Бодрийяра здесь вскрывается как тотально ангажированная: манифестируя «смерть социального», он мистифицирует действительные наличные отношения господства, подчинения, эксплуатации, которые сохраняются и всё больше абсолютизируются. Если социальное «мёртво», оно отсутствует онтологически, следовательно, нет ничего – нет классов, нет явной или латентной борьбы, нет угнетателей и нет угнетённых, есть лишь симулякры. Теория Ж. Бодрийяра, слишком яростно презентуемая как критическая, на деле оказывается глубоко консервативной, поскольку она не в состоянии предложить инструментов борьбы и реальной деконструкции, она способна лишь закрепить статус-кво и предлагает интеллектуальную капитуляцию, поскольку любое сопротивление, любая альтернатива объявляется априори недостижимой, в силу тотальной победы симуляции над реальностью. Теорию «смерти социального» не могут спасти яркие одежды

леворадикального движения. Ю. Хабермас очень тонко заметил, что подобные формы мышления ведут в абсолютный тупик, а точнее в «отрицание автономного царства» [Хабермас, 2003, 124] разума, поскольку отказываются от самой возможности критической рефлексии.

Ценность теории Ж. Бодрийяра раскрывается в том, что он с хирургической точностью фиксирует симптом, но он сам не видит за симптомом заболевания. Он фокусирует своё внимание на кризисе репрезентации, коллапсе метанарративов [Жерносенко, 2025], фрагментации публичной сферы – на эмпирических фактах. Суть может быть раскрыта не в интерпретации подобных процессов как признаков предсмертной агонии, но как радикальной мутации социального. Сама социальность скрывается в микросообществах, в горизонтальных сетевых отношениях, формах солидарности, не опосредованных традиционными идеологическими основаниями. Рождается новая форма социальности – «сетевое сообщество», формируется новое пространство смысловых и деятельностных потоков, формируется иная структура, что показывает М. Кастельс – гиперреальность является современной ареной социального конфликта: борьба за определение значения медиапространства, продуцирование контр-симулякров, дескрипция и взлом кодов [Кастельс, 2000], — всё это говорит не о «смерти» социального, но о его переходе в иную структурную и пространственную организацию. Социальное изменило свой онтологический статус, оно стало сложным, виртуализированным, но не менее реальным.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам: метафорический тезис Ж. Бодрийяра о «смерти социального» оказывается риторически выразительным, но философски несостоятельным. Его аргументация укореняется в ряде методологических ошибок подмене сущности социального его отчуждёнными формами репрезентации, абсолютизации момента отрицания и радикальной редукции социальной тотальности к симулятивным феноменам при игнорировании материальных и праксиологических оснований. Социальное не способно «умереть» онтологически, поскольку оно является атрибутивной характеристикой человеческого способа «бытия вместе». Кризисные явления, на которые указывает Бодрийяр, справедливы лишь в отношении современных форм социальности, но не затрагивают её субстанциального основания. Таким образом, речь идёт не о «смерти», а о переходе к новым, ещё не до конца осмысленным формам социального бытия – сетевым, имплицитным и ризоморфным связям. Перспективой дальнейшего исследования становится разработка онтологической теории социального, способной выявлять новые формы «языка» социального в условиях постмодерной трансформации общества. Необходимо систематически исследовать феномены сетевой и цифровой социальности, способы артикуляции немоты масс и их скрытые формы коммуникации. Дальнейшее исследование должно опираться на диалектическую традицию классической философии, позволяющую не только критически осмысливать патологические состояния современного общества, но и раскрывать позитивные горизонты становления социального как устойчивой субстанции человеческого бытия.

Библиография

1. Амирханов А. М. Триада постмодернистской философии: "смерть бога" - "смерть автора" - "смерть субъекта" // Kant. 2020. №2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/triada-postmodernistskoy-filosofii-smert-boga-smert-avtora-smert-subekta>

2. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. / пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. – Москва: Мысль, 1983.
3. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или конец социального / пер. с фр. Н. В. Сулова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2000.
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. – Москва: Добросвет, 2000.
5. Гаспарян Д.Э. Рождение и смерть субъекта в философии А. Кожева // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-subekta-v-filosofii-a-kozheva>
6. Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц. – Москва: Мысль, 1990.
7. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики: в 3 т. / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. – Москва: Мысль, 1970. – Т. 1.
8. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа. Москва: Наука, 2000.
9. Жерносенко Ирина Александровна, Дунилов Иван Михайлович Устарел ли постмодернизм? К вопросу об актуальности концепта в начале XXI века // Философия и культура. 2025. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustarel-li-postmodernizm-k-voprosu-ob-aktualnosti-kontsept-a-v-nachale-hh-veka>
10. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под ред. О. И. Шкаратана. – Москва: ГУ ВШЭ, 2000.
11. Маркс, К. Экономические рукописи 1857-1859 годов // Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1968. – Т. 46, ч. 1.
12. Саврей В. Я. Философия эпохи модерна и постмодернизм // Идеи и идеалы. 2023. №4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-epohi-moderna-i-postmodernizm>
13. Спиноза, Б. Избранные произведения Спиноза, Бенедикт: В 2 томах. Т. 2. — Москва: Госполитиздат, 1957.
14. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / пер. с нем. М. М. Беляева и др. – Москва: Весь Мир, 2003.

Ontological Foundations of the Social: Toward a Critique of Jean Baudrillard's Concept of the "Death of the Social"

Anton S. Krasnov

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of General Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: anton-krasnov1987@yandex.ru

Ol'ga O. Volchkova

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of General Philosophy,
Kazan (Volga region) Federal University,
420008, 35, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: olovolkova@kpfu.ru

Abstract

The aim of the study is a critical examination of Jean Baudrillard's concept of the "death of the social." The article examines the ontological status of the social and analyzes the key methodological foundations of Baudrillard's theory. It is shown that his thesis is built on a number of errors: the substitution of the essence of the social with its alienated forms of representation; the absolutization of the moment of negation; the reduction of social totality to simulacra while ignoring its material

existence. The scientific novelty of the research lies in the fact that, drawing on the ontological tradition of classical philosophy, the social is defined as the substantial foundation of human "being-together," and the crisis phenomena highlighted by Baudrillard (hyperreality, the "silent majority") are interpreted not as death, but as a transformation of the social, revealing new implicit forms of its organization. The result of the study is the conclusion that Baudrillard's theory, for all its vivid rhetoric, is conservative in nature: by mystifying relations of domination, it leads to intellectual capitulation in the face of global simulation. Genuine critical theory, however, must identify and explicate new forms of the being of the social.

For citation

Krasnov A.S., Volchkova O.O. (2026) Ontologicheskiye nachala sotsial'nogo: k kritike kontsepta "smerti sotsial'nogo" Zhana Bodriyara [Ontological Foundations of the Social: Toward a Critique of Jean Baudrillard's Concept of the "Death of the Social"]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 36-43. DOI: 10.34670/AR.2026.91.11.002

Keywords

The social, simulacra, simulation, hyperreality, "death of the social," masses, negativity.

References

1. Amirkhanov A. M. The Triad of Postmodernist Philosophy: "Death of God" - "Death of the Author" - "Death of the Subject" // *Kant*. 2020. No. 2 (35). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/triada-postmodernistkoy-filosofii-smert-boga-smert-avtora-smert-subekta>
2. Aristotle. *Politics* // Aristotle. Works: in 4 volumes / translated from ancient Greek; general editor A. I. Dovatura. - Moscow: Mysl, 1983.
3. Baudrillard J. *In the Shadow of the Silent Majority, or the End of the Social* / translated from French by N. V. Suslov. - Ekaterinburg: Ural Publishing House. University, 2000.
4. Baudrillard, J. *Symbolic Exchange and Death* / translated from French by S. N. Zenkin. - Moscow: Dobrosvet, 2000.
5. Gasparyan, D. E. The Birth and Death of the Subject in the Philosophy of A. Kozhev // *News of Saratov University*, Nov. series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2020. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-subekta-v-filosofii-a-kozheva>
6. Hegel, G. V. F. *Philosophy of Law* / translated from German; ed. and compiled by D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants. - Moscow: Mysl, 1990.
7. Hegel, G. V. F. *The Science of Logic*: in 3 volumes / translated from German by B. G. Stolpner. - Moscow: Mysl, 1970. - Vol. 1.
8. Hegel, G. V. F. *Phenomenology of Spirit*. Moscow: Nauka, 2000.
9. Zhernosenko, Irina Aleksandrovna, Dunilov, Ivan Mikhailovich *Is Postmodernism Obsolete? On the Relevance of the Concept at the Beginning of the Twentieth Century* // *Philosophy and Culture*. 2025. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustarel-li-postmodernizm-k-voprosu-ob-aktualnosti-kontsepta-v-nachale-hh-veka>
10. Castells, M. *The Information Age: Economy, Society, and Culture* / translated from English. edited by O. I. Shkaratan. Moscow: HSE, 2000.
11. Marx, K. *Economic Manuscripts of 1857-1859* // Marx, K., Engels, F. Works: in 50 volumes / K. Marx, F. Engels. - 2nd ed. - Moscow: Gospolitizdat, 1968. - Vol. 46, part 1.
12. Savrey, V. Ya. *Philosophy of the Modern Era and Postmodernism* // *Ideas and Ideals*. 2023. No. 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-epohi-moderna-i-postmodernizm>
13. Spinoza, B. *Selected Works Spinoza, Benedict*: In 2 volumes. Vol. 2. - Moscow: Gospolitizdat, 1957.
14. Habermas, J. *Philosophical Discourse on Modernity* / translated from German by M. M. Belyaeva et al. - Moscow: Ves' Mir, 2003.